

КУЛЬТУРНЫЙ ШОК

При прежнем режиме, доперестроечном, рассказывая о поездке за границу (факте, по тем временам, из ряда вон), советский человек пользовался лишь одним глаголом из неисчерпаемых глагольных запасов русского языка — Довелось.

Сколько в этом слове слилось и отозвалось! И опасное проплывание между спицой парткама и харибдой райкома, и забор мочи и крови в поликлинике, чтобы отсечь больших и незелательных.

Товарищи мои, оформлявшиеся за рубеж в 70—80-е годы, помните ли вы это? Если забыли, то правильно делали, что вас не пускали. Подлом.

И мне довелось в середине восьмидесятых поехать в одну северную страну с очень высоким уровнем жизни. Еще не окончательно рухнули оковы, но ножные кандалы уже сняли. И вот я на Западе. Стою, открыв рот, перед вит-

риной с фруктами, а потом перед витриной с кожгалантереей. В той стране Х., в том городе Э. я стажировалась в университете. И было мне хорошо, но стипендия была так мала, а купить хотелось так много, что я сэкономила на транспорте и ходила пешком. И была дурой, потому что обувь быстро снашивалась, приходилось покупать новую, а это подороже билета на автобус. Тамашние профессоры иногда приглашали меня к себе на обед.

Просторные интеллигентные дома, изысканно простая еда, книги и картины. При этом обсуждали Россию и ее народ. Народ несчастный, и много-много времени пройдет, пока он приблизится к уровню европейской цивилизации. Не только советская власть тому виной, но и царизм, и правильно, что свергли царя. «Мы были в Зимнем дворце, в Ленинграде. Какая безвкусица — жить в этой неслыханной варварской роскоши! От золота и малахита нам с Леннарттом стало плохо, меня тошнило. Теперь мы понимаем ненависть вашего поколения к царям и их дворцам». Я сидела и молча слушала. Ненависть?

А гордость и восхищение не хотите? Но в то время я не смела возражать старшим.

Хозяйка продолжала: «Вы посмотрите на русских в нашем городе. Одеты все одинаково,

кидаются на витрины. Гунны. Покупают самые дешевые вещи, и по десять штук. Что, у вас в России в самом деле нет мыла и мужских носков?»

Что я должна была ответить? Да, представьте, ни мыла, ни носков у нас нет. Чтобы достать шампунь, нужно дружить домами с директором магазина. Мстительное нехорошее чувство росло в душе. Вам бы немного Гулага, чуть-чуть блокады. Выжили все-таки? Тогда еще порцию Гулага, уже послевоенного, проживание вдесятером в одной комнате. Ванной нет, соседей двадцать человек, очереди всегда и за всем. До могилы.

Пожили бы вы, мои милые друзья, лет пятьдесят таким образом, и мы бы обсудили, кто тут гунны. И почему дикарь хочет купить кусок душистого мыла.

С тех пор прошло пятнадцать лет. И страна Х., и город Э. уже не так процветают, как прежде. Русские беспрепятственно шагают за границу и обратно, никто больше не кидается на витрины. «Березки» закрыты, те, куда вам было можно, а нам нельзя, и вам это было приятно, я знаю. Теперь и я катаюсь в вашу страну, не сдавая мочу.

Хотя она ухудшилась с того времени, когда ее качество волновало Василеостровский райком партии Ленинграда.

Теперь в той северной стране со мной ведут другие разговоры.

— Скажи, ты по-прежнему испытываешь культурный шок, когда приезжаешь к нам? Этот «культурный шок» преследует меня неотступно. Я часто получаю приглашения провести экскурсию для иностранных гостей по Эрмитажу, Царскому Селу, Петергофу. Все гости непростые: министры, дипломаты, генеральные директора. Короче, показываю шедевры высокопоставленным лицам. Считается, что я это делаю неплохо и даже вдохновенно. Вдохновение оплачивается так: десять долларов в час.

Иногда министры платят сами. Вынимают доллары из заднего кармана и дают, а я беру, кладу в сумочку и иду домой. Однажды попросили показать Эрмитаж министру социальной помощи. Надо пойти за ним в гостиницу и доставить во дворец. На дворе дождь, но министр не желает взять такси: дорого. Так мы и идем, он под зонтиком, я под дождем. Полтора часа мы бродили по Эрмитажу, и ему понравилось, хотя про варварскую красоту и он не упустил случая упомянуть. Я проводила его в гостиницу, как меня об этом просили. В холле он полез за бумажником: «Ну-с, сколько мы пробывали в Эрмитаже? Полтора часа? Дорога туда и обратно, я надеюсь, не в счет? Вот пятнадцать долларов и

моя визитная карточка». Карточку я выбросила сразу, урна стояла неподалеку.

Следующим высокопоставленным экскурсантом была жена премьер-министра. Короткая голубая юбка и соломенная шляпка с лентой. Это была новая жена премьера, старая осталась дома. Мне сказали: времени на обзорную экскурсию в Эрмитаже — час. А было между тем уже семь часов вечера, и Эрмитаж для посетителей был давно закрыт. Соломенная шляпка, я и два наших охранника приехали в пустой и гулкой Зимний дворец. «С чего начнем? — спрашиваю. — Итальянский Ренессанс или импрессионисты? Рембрандт или Малахитовый зал?» — «Хотелось бы сначала в магазин», — ответила жена премьера. Охранники заволновались: магазины закрыты, продавцы давно ушли домой. Слышу крики через растрелиевскую анфиладу: «Вернуть продавцов! Снять пломбы! Убрать собаки!»

Пока мы дошли до магазина, его успели открыть. Высокая гостя вяло побродила вдоль прилавков, попросила показать яйцо из яшмы, колечко из бересты, полистала календарь с изображениями рыб России — и ничего не купила. До окончания экскурсии оставалось пятнадцать минут. Я успела показать только мумию египетского жреца, потому что он лежал недалеко, за углом, — сам черный, зубы белые. Госпожа ми-

нистерша улыбнулась, спросила, как меня зовут, и мы поехали в гостиницу. Месяц тому назад мне предложили провести экскурсию для очень влиятельных бизнесменов. Просили постараться. Я старалась, щелкала и свистала, цитировала древних авторов. Чтобы сделать приятное клиентам, осудила грубость Петра Первого и похвалила военные подвиги Карла Двенадцатого. Руководитель делегации, элегантный красавец лет пятидесяти, пошутил: «Зачем мы оказываем России гуманитарную помощь и даем займы? У вас тут неслыханные богатства. Продайте пару люстр, и все проблемы решены».

Мы шли по Александровскому залу Зимнего дворца. Вдруг мой элегантный бизнесмен остановился. «Подойдите сюда». Я подошла с любезной улыбкой. «Что это?» — лукаво спросил он, указывая на лепной бордюр. Я взгляделась, это были цветы и листья лавра. Каждый цветок был в виде бутона на тонком стебле. «Это ведь сперматозоид! Тебе об этом уже говорили, или я первый заметил?» — «Первый», — сказала я и отошла к остальным членам делегации, любовавшимся через окно Александрийской колонной.

Когда мы расставались, мне даже пошлорировали. На прощание экскурсанты благосклонно спросили меня:

— Ты бываешь у нас в стране?

— Бываю.

— И, конечно, каждый раз испытываешь культурный шок?

— Да, — сказала я, — пребываю в глубоком шоке. Но не теряю надежды. И у нас все наладится. Вы сами видели: там «Пищу-хат» открыли, тут новую парикмахерскую для кошек. А на днях в казино «Гигант-холл» прошла премьера, борьба лилипутов в рыбьих внутренностях. Страна возрождается.

1998